

МОНТЕСКЬЕ

Хачик Нишанович Момдзян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.89-108

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие

Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века

Фонтенель

Мелье

Монтескье

Вольтер

Руссо

Ламетри

Дидро

Гельвеций

Гольбах

Вольней

Маршалль

Французский материализм — один из идейных источников

утопического социализма и коммунизма XIX века

Библиография

Веб-публикация: **Martine-Gabrielle** и редакторы библиотеки **Vive Liberta** и **Век Просвещения, 2010**. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Подборка материалов:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mnt>

В идейно-политической борьбе, разыгравшейся в до-революционной Франции, Монтескье принял весьма деятельное участие, заметно повлиял на формирование молодого поколения просветителей, вооружил их исходными аргументами в критике феодальных социально-политических отношений, французского абсолютизма и господствующей христианской церкви. По радикализму своих политических и философских взглядов он, конечно, уступал не только Мелье и Руссо — идеологам социальных низов, но и Дидро, Ламетри, Гельвецию, Гольбаху. Это понятно, ибо Монтескье, как и Вольтер, выражал умонастроение достаточно умеренных верхушечных слоев дореволюционной французской буржуазии. Однако отмеченное обстоятельство не может поставить под сомнение историческое значение Монтескье, его знаменитой книги «Дух законов» в становлении и развитии важнейших идей французского Просвещения XVIII века.

Шарль Луи Монтескье родился в 1689 году в г. Лаб-

ред близ Бордо в старинной аристократической семье. Учился он в коллеже неподалеку от города Мо. Уже в те годы, проявляя безразличие к богословским премудростям, молодой Монтескье изучал историю и культуру античного мира, и в особенности Рима. По окончании коллежа он с большой настойчивостью и весьма плодотворно изучал право, сохраняя одновременно живейший интерес к литературе и искусству. В 1714 году Монтескье становится советником бордоского парламента, а два года спустя, после смерти дяди, получает по наследству пост президента того же парламента. Парламенты в ту эпоху являлись высшими судебными учреждениями во Франции. Став во главе парламента одного из крупнейших городов страны — Бордо, Монтескье получил возможность близко ознакомиться с борющимися социальными силами, с углублявшимися противоречиями феодальной Франции, с пороками феодально-абсолютистского государства.

Начало судейской деятельности Монтескье совпало с концом правления Людовика XIV. Французский абсолютизм в то время шел уже по нисходящей линии. Это было связано с ослаблением его социальной основы. В начале XVIII века феодальный строй во Франции начал обнаруживать признаки неизлечимого недуга. Разоряющееся феодальное хозяйство стремилось отстоять свое существование, усиливая эксплуатацию крестьянства, значительные массы которого в период царствования Людовика XIV были доведены до нищеты. Отчаявшиеся крестьянские массы все чаще вступали в кровавые схватки со своими поработителями — феодалами и стоявшей за их спиной королевской властью. Так, в годы учения Монтескье в Южной Франции, в провинции Лангедок, крестьяне вели ожесточенную борьбу против феодальных поборов и повинностей. Хлебные бунты становились обычным явлением.

Положение отсталой феодальной Франции еще более ухудшалось неудачными войнами против ее главного конкурента — Англии и союзников Англии. Каждая новая война и каждое новое поражение усугубляли хаос во Франции. Всей своей тяжестью эти события ложились на бедствующие народные массы, содействовали обострению классовых противоречий. Так, в итоге войны за испанское наследство (1701—1714) государственный долг Франции достиг 2,5 миллиарда ливров, в 32 раза

превысив годовой доход страны. Но, несмотря на это, расточительство двора не знало пределов. Разгульная жизнь, безумная роскошь господствующей знати, ее аморализм — все эти явления, достигшие особенного развития в эпоху регентства, отражали начало общего кризиса феодальной системы Франции.

В недрах феодального строя складывались и развивались капиталистические отношения. Дальнейший рост капитализма, экономической мощи буржуазии тормозился системой феодальных отношений, вот почему идеологи буржуазии с нарастающей силой выступали против феодальных порядков и феодально-клерикальной идеологии. Все смелее передовая интеллигенция атаковала королевскую власть, стоявшую на страже феодализма. В соответствии с новыми, буржуазными отношениями складывались и развивались новая надстройка, новые политические, правовые, философские, художественные, нравственные идеи.

В числе первых борцов за новое мировоззрение был и Монтескье. Он понял необходимость существенных преобразований в экономике и политическом управлении Франции. Несмотря на аристократическое происхождение, Монтескье примкнул к оппозиционным буржуазным кругам, но, как уже было сказано, к умеренно оппозиционным.

По социальному составу этот слой был достаточно разнообразным. Сюда входили поставщики армии и флота, генеральные откупщики, банкиры, люди, державшие в своих руках внешнюю торговлю Франции, судовладельцы, высокопоставленные чиновники, вышедшие из буржуазной среды, владельцы крупных феодальных поместий, ставших на путь капиталистического развития. Оппозиционные настроения по отношению к господствующему порядку здесь выражались в желании реформировать феодальный строй в сторону максимального расширения прав и свободы хозяйственной деятельности высокопоставленной знати без фамильных гербов и титулов. Буржуазная верхушка, естественно, была заинтересована занять в политическом управлении страной то место и ту роль, которые соответствовали ее влиянию и удельному весу в экономике страны.

Однако политические устремления буржуазной верхушки и ее оппозиционность по отношению к феодализму были достаточно ограниченными и половинчатыми.

Она боялась и чуждалась народных масс, стремилась к компромиссу с аристократией, мечтала о постепенном и при этом исключительно мирном и легальном выкупе части политической власти у аристократии. Конституционная монархия английского типа, двухпалатная система как выражение полюбовного соглашения между аристократией и буржуазией, конституционное закрепление прав и привилегий буржуазии наряду с правами и привилегиями феодальной знати — таков был политический идеал буржуазных верхов дореволюционной Франции.

Этому умеренному буржуазному либерализму противостояла более радикальная политическая идеология основных масс французской буржуазии, которые неизмеримо больше испытывали на себе тяжесть феодальных оков и политического бесправия и по мере загнивания ненавистного старого порядка и углубления классовых противоречий все больше и больше утвердились в мысли о необходимости решительной борьбы против феодальных отношений и абсолютизма, пусть даже с помощью народных масс.

В 1721 году Монтескье выпустил анонимно одну из важнейших своих работ — «Персидские письма», где устами вымышленных персидских путешественников тонко и ядовито высмеял порядки, господствовавшие во Франции и других странах Европы. Монтескье выразил свое отрицательное отношение к абсолютной монархии, к царившему в стране политическому произволу, к мерзким правам дворцовой камарильи. Он осмеял самого «короля-солнце» — Людовика XIV, который, по словам Монтескье, простирает абсолютную власть не только на замученные тела своих подданных, но и на души их, заставляя мыслить так, как он этого хочет, мог возвысить и унижить каждого, как только вздумается, не считаясь ни с логикой, ни с нравственностью. «... Он не думает, — писал Монтескье о монархе, — что царственное величие должно быть стесняемо в даровании милостей... Он дал маленькую пенсию некоему человеку, убежавшему от неприятеля на две мили, и хорошую губернию тому, кто убежал на четыре»¹. Монтескье видел хаос, который воцарился в государственном управлении, и набросал картину растущего беспорядка в экономической жизни, в

финансах. «Министры, — отмечал он, — сменяют и уничтожают здесь друг друга, как времена года: в течение трех лет финансовая система переменялась на моих глазах четыре раза»².

«Персидские письма» реалистически отобразили быт и нравы господствующих паразитических сословий. Монтескье с негодованием отзывался о концентрации огромных богатств в руках реакционных церковников и в следующих словах охарактеризовал их: «... это компания жадных, всегда берущих и никогда не отдающих; они беспрестанно накапливают доходы, чтобы наживать капиталы. Столько богатств оказывается, если можно так выразиться, в параличе: нет больше оборотов, нет коммерции, нет ремесла и мануфактур»³.

Безумная роскошь господствующих сословий достается каторжным трудом народа, подавляющее большинство которого бьется в тисках нищеты и голода, — это Монтескье отчетливо видел. Он писал, что при существующем режиме для того, чтобы один человек мог жить, наслаждаясь, нужно, чтобы сотни других работали без отдыха. «... Государь, придворные и некоторое количество частных лиц владеют всеми богатствами, в то время как все остальные стонут от крайней бедности»⁴.

Особое возмущение вызывали у Монтескье бесчеловечное подавление свободы совести, расправы католической церкви с инакомыслящими. Он поднял голос против центра католической реакции — Ватикана, разоблачал его как векового врага человеческого разума, как защитника всего ветхого и отжившего. Монтескье выступил против попыток Ватикана вторгаться во внутренние дела Франции, провоцировать раздоры между французами.

«Персидские письма» имели шумный успех в кругах, оппозиционно настроенных к абсолютной монархии.

В 1726 году Монтескье отказался от службы, чтобы полностью посвятить себя науке. Вскоре он из Бордо переехал в Париж, где установил тесные связи с передовыми деятелями культуры, много и упорно работал над новыми произведениями. В 1728 году Монтескье отправился в Англию; пристально изучал он социальный

² Там же, с. 296.

³ Там же, с. 251.

⁴ Там же, с. 261.

и государственный строй, историю и культуру этой страны. Поездка сыграла очень большую роль в формировании его мировоззрения, если учесть, что Англия в ту эпоху значительно опередила Францию и другие европейские государства в своем развитии. Английская буржуазная революция XVII века нанесла сокрушительные удары феодализму в Англии, подорвала его мощь и открыла широкие возможности для развития капитала. Королевская власть была ограничена парламентом, в котором буржуазия играла решающую роль.

В 1734 году Монтескье издал работу «Рассуждения о причинах величия и падения римлян», которая в некотором отношении явилась подготовительной ступенью к созданию главного его труда — «О духе законов». Уже в «Рассуждениях» Монтескье пытается уловить необходимый, закономерный характер развития общественной жизни. Возвышение и падение Римского государства он не склонен объяснять лишь удачными или неудачными действиями отдельных людей: согласно Монтескье, Рим пал, ибо утратил то, что некогда возвысило его, — гражданский дух и любовь к родине. Подобные объяснения исторических явлений, разумеется, не могли вывести Монтескье за пределы идеалистического понимания истории, но они уже не укладывались в рамки историографии, которая в лучшем случае рассматривала историю как дело рук выдающихся личностей.

В книге «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» Монтескье пытался проанализировать происхождение деспотизма и его губительные последствия для судеб государства. Он отстаивал мысль, что только политические свободы являются гарантией процветания и мощи государственного организма.

Стараясь быть весьма осторожным в суждениях и выводах, мыслитель придал своему труду характер сугубо академического, «беспристрастного» изучения одного из отдаленных периодов истории человечества. Но, несмотря на это, подлинная цель автора не могла ускользнуть от читателя. Критический анализ истории Рима давал возможность задуматься над современным положением вещей. Разоблачение античного деспотизма превращалось в разоблачение французской абсолютной монархии.

В 1748 году вышла в свет книга Монтескье «О духе законов» (в другом переводе — «Дух законов»), над ко-

торой он работал свыше двадцати лет. В ней мыслитель обобщил и привнес в систему свои философские, социологические, правовые, экономические и исторические взгляды. Это выдающееся произведение стало серьезным идейным подспорьем для дальнейших, более смелых атак на ветхое здание феодализма.

Несмотря на всю осмотрительность автора и умеренность выражений, книга эта заставила насторожиться реакционеров. Оплот феодально-католического мракобесия Сорбоннский университет осудил сочинение Монтескье. Об одном из докторов Сорбонны, который выступил против работы «О духе законов», Марке писал, что этот доктор «... считал своим долгом публично обвинять Монтескье в непристойном образе мыслей за то, что Монтескье объявил высшим достоинством государства добродетель политическую, а не церковную»⁵. Сочинение Монтескье было осуждено также реакционерами из лагеря Ватикана. Но все эти нападки лишь возбуждали интерес к «опасной книге». Мельхиор Гримм, один из деятелей французского Просвещения, сообщал, что книга Монтескье «векружила голову всем французам». Отмечая ряд недостатков работы «О духе законов», Гримм в то же время указывал, что книга «является глубоким, наиболее смелым, наиболее почитаемым произведением из всех, вышедших в этой стране за долгий период». Даже Гельвеций, который подверг этот труд серьезной критике за недостаточное радикальное разоблачение феодальной системы, писал, обращаясь к Монтескье: «Не знаю, будут ли наши французские головы достаточно зрелыми, чтобы понять великие прелести, содержащиеся в нем. Я восхищаюсь широтой гения, создавшего их, и глубиной изысканий, предпринятых Вами...»⁶

За короткое время книга «О духе законов» была переведена на многие европейские языки. В России она впервые была издана в 1775 году.

После опубликования работы «О духе законов» Монтескье принял участие в создании знаменитой французской «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», которая сыграла столь выдающуюся роль в критике старых, феодальных порядков, в разработке и популяризации новых, прогрессивных идей и

⁵ Марке К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 112.

⁶ *Helvétius. Oeuvres complètes*, t. IV. Paris, 1818, p. 259.

теорий. Для «Энциклопедии» он написал статью «Вкус», где изложил свои эстетические взгляды. Умер Монтескье в 1755 году, оставив после себя значительное неопубликованное литературное наследие.

Монтескье принадлежал к числу тех французских просветителей XVIII столетия, которые посвятили свои силы преимущественно изучению общественной жизни. Глубоко не удовлетворенный религиозными объяснениями истории, он уже в ранних своих работах пытался понять ход и последствия исторических событий, объяснить историю, не прибегая к вымышленным сверхъестественным силам. Как и для многих других просветителей XVIII века, деизм был для Монтескье удобным средством выпроводить бога из истории. И действительно, хотя в книге «О духе законов» встречаются ссылки на бога, на установленные богом законы, тем не менее бог не играет существенной роли в объяснении исторического процесса. Весь смысл этого труда, как и всего творчества Монтескье, заключался в том, чтобы в противоположность феодально-клерикальной историографии, в противовес премудростям Боссюэ и других идеологов католической реакции создать светскую, а не религиозную концепцию всемирной истории. Монтескье был проникнут глубоким презрением к историографии, которая объясняла крушение государств или возникновение новых, блистательные победы или поражения на поле брани как проявления гнева или милости «всевышнего». Он указывал, что теологическое объяснение исторических явлений произвольно, оно открывает безграничные возможности для оправдания или осуждения именем бога всего того, что выгодно осудить или оправдать данному писателю.

Мы уже говорили, что Монтескье выражал настроения верхушечных слоев предреволюционной буржуазии. Это не могло не обусловить его склонность к компромиссу с аристократией и ее идеологией. Так, он ошибочно полагал, что независимо от того, верны или ложны принципы религии, она нужна обществу, ибо под страхом адских наказаний учит людей поступать добродетельно. В то же время Монтескье считал, что существующая религия есть совокупность фантастических вымыслов и не может устоять перед судом разума. Имея в виду религиозные вымыслы, Монтескье писал, что люди «беспрестанно колеблются между ложными надеждами и смешными страхами и, вместо того чтобы опираться на разум,

придумывают себе чудовища, которых сами же боятся, или призраки, которые их соблазняют»⁷.

Из факта единства природы и человеческого общества, утверждал Монтескье, вытекает вывод, что общественные явления, подобно явлениям природы, подчинены постоянно действующим законам. Вступая в противоречие с господствовавшим в среде французских просветителей мнением, согласно которому история — хаос случайностей, Монтескье, как и его современник — итальянский философ и социолог Джамбаттиста Вико, отстаивал мысль о закономерном развитии общественной жизни. Монтескье твердо придерживался мнения, что большие общественные события должны быть порождены столь же большими и серьезными причинами. Он считал, что всякое явление имеет свою естественную причину, но полагал, что не все причины и вызванные ими следствия являются одинаково необходимыми и важными. Причина, вызвавшая данное необходимое и важное историческое событие, согласно Монтескье, столь же необходима и важна, как и ее следствие.

Еще в труде «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» Монтескье высказал блестящие догадки о связи между необходимостью и случайностью. Он писал: «Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, т. е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала»⁸.

Мысль о закономерности общественной жизни нашла свое дальнейшее развитие в книге «О духе законов». В ней указывалось, что разнообразие законов и прав было бы ошибочно объяснять произволом фантазии людей. «Я установил общие начала, — пишет Монтескье, — и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие...»⁹ Хотя и противоречиво, в книге про-

⁷ Монтескье Ш. Персидские письма, с. 317.

⁸ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955, с. 128.

⁹ Там же, с. 159.

водится мысль о том, что наиболее общие, «естественные» законы, которым подчинены основы общественной жизни, следует отличать от тех «частных» законов, которые устанавливаются законодателями. «Единичные разумные существа, — заявляет Монтескье, — могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы»¹⁰.

Каково же происхождение всеобщих, «естественных», как он их называет, законов общественной жизни, опираясь на которые мудрые законодатели вырабатывают частные законы? Не привнесены ли они в общество извне как волеизъявление воли бога-творца? В отличие от Вико, который искал источник закономерного развития общественной жизни в божественном разуме, в велениях мирового духа, бога, Монтескье, верный своему стремлению отделить божественные «законы» от законов человеческого общества, утверждает, что закономерность общественного развития не привнесена извне, а внутренне присуща этому развитию. Такова позиция Монтескье, хотя он и прибегает к «охранительным» оговоркам о том, что мир сотворен и развивается по божественным законам, что законы движения имеют божественное происхождение и т. п. Эти благочестивые декларации помещены преимущественно в начале книги «О духе законов». Когда же автор приступает к анализу законов, их происхождения, их сущности, он больше не упоминает о «всевышнем».

Уже в предисловии Монтескье указывает, что принципы, о которых он пишет, извлечены им «не из своих предрассудков, а из самой природы вещей»¹¹. «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей...»¹²

Конечно, было бы ошибкой думать, что эти социологические догадки выводили Монтескье за пределы идеалистического понимания истории. Отметим прежде всего, что, пытаясь указать на законы общественной жизни, он в действительности указывал вовсе не на специфические законы человеческого общества. К так называемым естественным законам он относил установление мирных взаимоотношений между первобытными людьми, добывание

пищи, стремление быть взаимно полезными. Таким образом, нетрудно заметить, что у Монтескье не было правильного понимания объективного характера общественных законов. Объективные, от сознания людей не зависящие законы общественной жизни он пытался разъяснить, ошибочно отождествляя их с законами природы.

Определяя роль географической среды в формировании нравов и законов человеческого общежития, Монтескье утверждал: «От различия в потребностях, порождаемого различием в климатах, происходит различие в образе жизни; а от различия в образе жизни происходит различие в законах»¹³. «Власть климата сильнее всех властей»¹⁴. Но, как доказано марксизмом, климат, почва и другие элементы географической среды не могут играть решающей роли в общественном развитии; такой решающей силой является способ производства материальных благ.

Монтескье, приближаясь к истине, писал, что «законы находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых народ добывает себе средства к жизни»¹⁵. Но под «способами добывания средств к жизни» он подразумевал охоту, скотоводство, земледелие, торговлю и т. п. Кроме того, сам способ добывания средств к существованию опять-таки выводил из географической среды.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что у Монтескье не было единого социологического принципа. Если географическая среда играет, согласно Монтескье, решающую роль в общественной жизни отдельных народов, то такую же роль играют в жизни «цивилизированных народов» законодатель и законодательство. Здесь идеалистический характер социологических воззрений мыслителя обнаруживается с особой отчетливостью. Маркс писал о Ф. М. Идене, что, «стоя на точке зрения юридических иллюзий, он считает, что не закон есть продукт материальных производственных отношений, а, наоборот, производственные отношения суть продукт закона»¹⁶. Эти слова Маркса вскрывают также идеалистическую основу исторических и правовых взглядов Монтескье.

¹⁰ Там же, с. 161.

¹¹ Там же, с. 159.

¹² Там же, с. 163.

¹³ Монтескье III. О духе законов. СПб., 1900, с. 233.

¹⁴ Там же, с. 306.

¹⁵ Там же, с. 281.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 629.

Было бы наивно требовать от Монтескье уразумения научных истин, которые могли быть и были открыты лишь в более позднюю историческую эпоху. Деятелей прошлого, учит марксизм-ленинизм, нужно судить не по тому, что они не сумели сделать в сравнении со своими последователями, а по тому, что они осуществили в сравнении со своими предшественниками.

Если подойти к социологическим взглядам Монтескье с этой единственно правильной, исторической точки зрения, становится ясным все значение попыток автора работы «О духе законов» воспроизвести картину общественной жизни, не прибегая к теологическим объяснениям, его настойчивых стремлений раскрыть закономерный характер истории. Следует сказать, что учение Монтескье о решающей роли географической среды в общественной жизни, несмотря на идеалистическую и метафизическую природу этого учения, было вызвано все тем же желанием уйти от теологического, спиритуалистического толкования общественных явлений, объяснить их естественными причинами. Создавая свое учение о решающей роли географической среды в жизни людей, Монтескье был далек от мысли использовать эти идеи в тех целях, в которых их стали использовать идеологи империалистической буржуазии, геослитники, идеологи расизма.

Заслугой Монтескье в области социологии является то, что он одним из первых отказался от так называемого абстрактно-рационалистического метода; сторонники этого метода, не утруждая себя конкретным изучением исторических фактов, пытались чисто логическим путем сконструировать картину возникновения и развития человеческого общества. Хотя и сам Монтескье отдал некоторую дань абстрактному, внесторическому взгляду на человека, из «неизменной» природы и потребностей которого рационалистическая социология пыталась вывести свои «вечные» и «всеобщие» законы, тем не менее характерным для него является стремление изучать человеческую историю на основании подлинных исторических фактов. Монтескье проявлял большой интерес к изучению экономических отношений.

Следует отметить, что представители более радикального направления во французском Просвещении — как, например, Гельвеций — весьма настороженно относились к идее законодательного развития исторического про-

цесса. Объяснялось это тем, что они отвергали всякие попытки увидеть в феодализме, в его возникновении и развитии что-нибудь закономерное и разумное.

Гельвеций не мог скрыть своего разочарования, видя, с какой обстоятельностью Монтескье изучает историю феодальных отношений и законов, стремясь показать необходимый характер их возникновения. Особое неодобрение Гельвеция вызвали XXX и XXXI главы «О духе законов» («Теория феодальных законов франков в их отношении к установлению монархии» и «Теория феодального права франков по отношению к изменениям, последовавшим в их монархии»). Закрывающиеся в этих главах рассуждения Монтескье он воспринимает не только как констатацию исторических фактов, характеризующих становление феодальных порядков, но и как некое их оправдание.

Гельвеций отказывается видеть что-либо поучительное не только в законах о ленной зависимости, но и во всех правовых нормах феодального общества. Не без чувства раздражения он пишет Морену о Монтескье: «Какого дьявола он нам рассказывает относительно договора о ленных владениях (*traité de Fiefs*), чему он нас хочет этим обучить? Является ли это темой, которую мудрый и рассудительный ум должен был избрать для исследования? Какое законодательство можно извлечь из этого варварского хаоса законов, которые были установлены силой и почитаемы по невежеству и которые всегда будут противопоставляться разумному порядку вещей?»¹⁷ Это же обвинение Гельвеций бросает Монтескье, заявляя, что автор работы «О духе законов» приписывает феодальному миру разум и мудрость, которых этот мир в действительности лишен.

Нетрудно в приведенных рассуждениях заметить идеалистический характер исторических и правовых предвзвешений Гельвеция. Он наивно противопоставляет правовые нормы насилию, будучи не в состоянии понять, что в любом классово антагонистическом обществе правовые нормы не могут не быть выражением классового насилия.

Столь же необоснованными являются упреки Гельвеция в адрес Монтескье за попытки последнего обнаружить необходимый, а следовательно, и разумный харак-

¹⁷ *Héluvétius. Oeuvres complètes*, t. III. Paris, 1818, p. 259.

тер существовавших и существующих законов. Вряд ли следует специально оговаривать, что Монтескье, также стоявший на идеалистических позициях, был не в состоянии вскрыть реальные, материальные основы существования тех или иных взглядов. Но сама эта попытка отказаться от взгляда на образование законов как на нечто произвольное и случайное была правильна в основе своей и имела прогрессивный характер, содействовала выработке научного понимания истории.

Гельвеций в данном вопросе, бесспорно, отдавал дань распространённому среди просветителей заблуждению, согласно которому все прошлые тираннические формы правления и их законы являются результатом произвола и невежества и тем самым не заслуживают никакого внимания со стороны исследователя. Здесь отчетливо обнаруживался антиисторизм Гельвеция и других французских материалистов, которые, охваченные ненавистью к феодальным порядкам, «на средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством»¹⁸.

Но в одном Гельвеций был решительно прав. Автор «О духе законов», рассматривая необходимый характер возникновения феодальных отношений и законов, не замечал или не хотел заметить, что в современных ему условиях эти отношения и законы столь же необходимым образом стали неразумными и поэтому должны быть устранены. И действительно, Монтескье не только не ополчался против прав и привилегий феодальной знати, но вслед за Локком пытался оправдать и узаконить их, правда ограничивая и уравнивая их правами и привилегиями народа, вернее сказать, буржуазии.

Как идеолог восходящей буржуазии, Монтескье был заинтересован в такой перестройке существующей государственной системы, которая могла бы стимулировать дальнейшее развитие промышленности и торговли, установить политические свободы. Он доказывал необходимость государственного строя, который был бы избавлен от феодальных ограничений, стеснявших свободу и предпринимательскую инициативу людей.

Существующие формы государственного правления Монтескье разделял на три группы: республику, монархию и деспотию. В деспотии, согласно автору «О духе

законов», господствующим принципом является страх; он пронизывает всю систему снизу доверху. В деспотическом государстве нет твердых законов, их заменяют воля и прихоть тирана. Здесь нет и не может быть прочной гарантии жизни и собственности подданных, последние лишены элементарных политических прав. Такой образ правления разлагает людей, делает их робкими и трусливыми, хитрыми и коварными, лживыми и жестокими, приучает к лести и низкопоклонству. Несмотря на свое отрицательное отношение к насильственному уничтожению существующих социально-политических организмов, Монтескье считал деспотизм противозаконным и полагал справедливым восстание поработенных против деспота. Обосновывая это положение, Монтескье писал: «...если государь, вместо того чтобы создать своим подданным счастливую жизнь, вздумает их угнетать или уничтожать, то повод к повиновению прекращается: их ничто больше не соединяет, ничто не привязывает к нему, и они возвращаются к своей естественной свободе... неограниченная власть не может быть законной...»¹⁹

Монтескье пытался отделить монархическую форму правления от деспотизма, заявляя, что в условиях монархии хотя и управляет один, но управляет по существующим твердым законам. Согласно Монтескье, если принципом деспотии служит страх, то принцип монархии составляет честь. Маркс, опровергая эти заблуждения, писал: «Принцип монархии вообще — презираемый, презренный, *обесчеловеченный человек*; и Монтескье был совершенно неправ, когда объявил честь принципом монархии. Он старается выйти из затруднения, проводя различие между монархией, деспотией и тиранией, но все это — обозначения одного и того же понятия, в лучшем случае они указывают на различия в нравах при одном и том же принципе»²⁰.

Деспотии Монтескье противопоставлял республику, где, по его определению, господствует такой высший принцип политической добродетели, как патриотизм. По сравнению с другими формами правления демократическая республика с наибольшей полнотой обеспечивает свободу и равноправие большинства нации. Монтескье отвергал утверждения о том, будто народ не в со-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 287.

¹⁹ Монтескье Ш. Перенские письма, с. 220.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 374—375.

стоянии создать мудрое управление. «Народ, — писал он, — в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти... Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснить случайностью»²¹.

Но, признав все преимущества демократической республики, Монтескье ошибочно заявлял, что такая форма правления пригодна лишь для государства с малой территорией. Практическому осуществлению строя демократической республики, согласно Монтескье, мешает также то обстоятельство, что политические добродетели, и в первую очередь готовность принести личные интересы в жертву обществу, утрачены в результате долгого господства деспотии. Монтескье защищал идею конституционной монархии — наиболее реальной, как ему казалось, для Франции и других стран. Соответственно своим умеренным социальным-политическим взглядам он считал образцом английский общественный и государственный режим. Но надо сказать, что от взора Монтескье не ускользнули многие пороки английского государственного строя, в частности продажность, процветавшая в органах исполнительной власти²².

Опираясь в качестве образца на английскую государственную систему, Монтескье выдвинул теорию разделения законодательной, исполнительной и судебной власти. Он полагал, что независимость этих видов власти и взаимная их уравновешенность являются основой свободы и безопасности граждан. Разделение власти, конечно,

²¹ Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 170.

²² Монтескье, идеализируя Англию как страну, где, по его мнению, в результате разделения законодательной, исполнительной и судебной власти достигнута высокая степень политической свободы, не закрывал глаза на пороки, способные со временем разрушить все здание английской государственной системы. Как в «Notes sur l'Angleterre», так и в работе «О духе законов» он сам указывал на причину, все больше и больше подтачивающую основы власти. «Все человеческое, — писал Монтескье, — имеет конец, и государство (Англия, — Х. М.), о котором мы говорим, утратит свою свободу и погибнет, как погибли Рим, Лакедемон и Карфаген; погибнет оно тогда, когда законодательная власть окажется более испорченной, чем исполнительная» (см. Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 300).

было шагом вперед по сравнению с феодально-абсолютистскими порядками, ибо шло по линии осуществления буржуазно-демократических преобразований. Но Монтескье явно переоценивал значение этого умеренного мероприятия. В действительности теория разделения власти у Монтескье выражала стремление к компромиссу между аристократией и буржуазией. В современных нам условиях существующее в США и других капиталистических странах формальное разделение законодательной, исполнительной и судебной власти ничуть не мешает им в полном единстве отстаивать интересы империалистической буржуазии.

Монтескье выступил со смелой для своего времени защитой свободы слова, печати, совести. Особенное возмущение вызывало у него навязывание людям тех или иных религиозных убеждений; он гневно отзывался о кровавом и позорном судилище католической церкви — инквизиции. Разоблачая чудовищное переплетение у инквизиторов-палачей кровожадности с изысканным лицемерием, Монтескье писал: «В своем приговоре они говорят ласковые слова людям, одетым в серую рубашку (на приговоренных к смерти на костре инквизиторы надевали рубашки, пропитанные серой. — Х. М.), и заверяют, что им очень досадно видеть их в такой плохой одежде, что они кротки, ужасаются крови и в отчаянии от того, что осудили их; но, чтобы утешиться, конфискуют в свою пользу все имущество этих несчастных»²³.

Гуманист Монтескье прославлял разум, его неисчерпаемые возможности, его призвание бороться за счастье и благоденствие людей. Мыслительно тяжело было смтреть, с какой яростью господствующие реакционные силы, и в первую очередь католическая церковь, пытались обуздать «мятежный разум», вступивший в противоречие с отжившим, неразумным строем. Обращаясь к инквизиторам, Монтескье писал: «...если когда-нибудь в будущем кто-либо осмелится утверждать, что в столетии, в котором мы живем, народы Европы были народами просвещенными, то ему укажут на вас в доказательство того, что они были варварами, и представление о вас будет такого рода, что покроет позором ваш век...»²⁴

²³ Монтескье Ш. Персидские письма, с. 66.

²⁴ Монтескье Ш. О духе законов, с. 473.

Будучи далеким от идеи имущественного равенства, Монтескье тем не менее считал важным устранение чрезмерного неравенства между людьми. Он, в частности, первым выдвинул требование обеспечить каждому человеку возможность зарабатывать на жизнь. На государстве, согласно Монтескье, «лежит долг обеспечить всем гражданам прочные средства к жизни, пищу, приличную одежду и род жизни, не вредящий здоровью»²⁵. Как ни утопично было это требование в условиях классово антагонистического общества, оно было продиктовано искренним гуманистическим чувством.

Руководимый гуманистическими стремлениями, Монтескье выразил свое отвращение к несправедливым, захватническим войнам, видя в них величайший бич человечества. Он не занимал абстрактно-пацифистской позиции: не отрицал войну в том случае, если она является единственным средством для народа отстоять свою жизнь перед лицом врага. Монтескье считал тяжким преступлением войны, предпринятые в целях грабежа и порабощения других народов, в целях удовлетворения властолюбия и тщеславия.

Горячее желание мира и дружбы между народами нашло свое отражение в социологическом учении французского мыслителя, который считал мир первым естественным законом человека.

Согласно Монтескье, прежде чем размышлять о начале своего бытия, человек, находясь в естественном состоянии, должен был подумать о сохранении своего существования. Он должен был чувствовать свою слабую и быть чрезвычайно робким и пугливым. Стремление напасть на другого человека должно было быть ему чуждым. «Отсюда, — заключает Монтескье, — мир является первым естественным законом человека»²⁶. Нетрудно видеть, что это исходное положение Монтескье диаметрально противоположно утверждению Гоббса о том, что в естественном состоянии «человек человеку — волк» и первым законом является не мир, а «война всех против всех». «Желание властвовать друг над другом, которое Гоббе приписывает первобытным людям, — пишет Монтескье, — не может быть оправдано рассуждением. Идея власти и господства до того сложна и зави-

сит от такого множества других идей, что не может быть первой по времени идеей человека»²⁷.

Конечно, аргументация Монтескье нанвпа и не выдерживает научной критики. Но нельзя не заметить его искреннее стремление найти естественные основания для защиты идеи мира между народами.

Догадываясь, что в современных ему социальных условиях возможность упразднения войн исключена, Монтескье мечтал о средствах, которые позволили бы сделать войны менее частыми и менее кровопролитными. Он уповал на международное право, требовал свято соблюдать заключенные между странами договоры. В книге «О духе законов» содержится такое определение целей международного права: «Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра... не нарушая при этом своих истинных интересов»²⁸. Огромное значение для сохранения мира между различными странами Монтескье придавал укреплению торговых связей. «Естественное действие торговли, — писал он, — склоняет людей к миру»²⁹.

С величайшей тревогой Монтескье отзывался о развитии вооружений и никогда не терял благородной веры в разум, совесть и гуманистические стремления народов. В «Персидских письмах» пмеются строки, которые перекликаются с мыслями и чувствами миллионов людей в наши дни. В 106-м письме мы читаем: «Ты говоришь, что боишься, как бы не изобрели какого-нибудь еще более жестокого, чем теперешний, способа истребления. Нет. Если бы обнаружилось такое роковое открытие, оно вскоре было бы запрещено человеческим правом, и еднородное соглашение народов похоронило бы его»³⁰.

Таков был Монтескье — гуманист, передовой мыслитель, полный уважения к человеку, к его разуму, к его личному достоинству, озабоченный судьбами человечества, его безопасностью, его завтрашним днем. Ограниченный уровнем знаний своей эпохи, предрассудками класса, интересы которого он выражал, Монтескье, есте-

²⁵ Там же, с. 439.

²⁶ Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 166.

²⁷ Монтескье Ш. О духе законов, с. 9.

²⁸ Там же, с. 10.

²⁹ Там же, с. 325.

³⁰ Монтескье Ш. Персидские письма, с. 224.

ственно, не мог видеть истинного пути, ведущего к избавлению человечества от всех порабоцавших его сил. Но он был в числе тех, кто выступил против отжившего феодального мира. Он стал одним из ветеранов переворота в философии, предшествовавшего политическому перевороту 1789 года.

Учение Монтескье не стало последним словом французского Просвещения XVIII века. Вслед за ним пришли люди, которые выражали умонастроения более радикальных кругов французской предреволюционной буржуазии и мелкой буржуазии. Их уже во многом не удовлетворяла критика старого порядка, данная в трудах «президента парламента», как они величали Монтескье. Они были недовольны автором книги «О духе законов» за то, что он не осмелился выдвинуть требование полного упразднения феодально-сословного деления общества, окончательного уничтожения всех прав и привилегий феодалов, за то, что он не отмежевался от всякой религии — и традиционной и денстической. И все же они высоко ценили Монтескье; он оставался учителем, овеянным славой, в глазах целого поколения замечательных мыслителей. Влияние идей Монтескье распространялось за пределы Франции. Его политические и правовые взгляды сыграли свою роль при выработке конституций США и других буржуазных государств.

Реакционные круги неоднократно делали попытки использовать в своих целях слабые и ошибочные стороны учения Монтескье. Такие попытки делаются и в наше время, но они успеха иметь не могут. Историческое значение и величие Монтескье заключается в тех его идеях, которые были рождены дыханием надвигающейся революции и служили ей. Монтескье прославляла патриотизм, провозгласив его высшей политической добродетелью. Горячо любя свою родину, заботясь о ее могуществе и процветании, он был проникнут глубоким уважением ко всем народам и выступая глашатаям мира между ними. Все претензии реакционеров считать Монтескье «своим» беспочвенны. Славное наследие создателя «О духе законов» принадлежит передовому человечеству.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

Баския М. П. Монтескье. М., 1975.

Варло Ж. Монтескье. — Вопросы философии, 1955, № 3.

Гершкович З. И. Идеиные связи русских и французских просветителей XVIII в. (Кантемир и Монтескье). — Вестник истории мировой культуры, 1959, № 4.

Егоров А. Г. Монтескье — борец против феодального гнета и деспотизма. — Правда, 1955, 14 марта.

Коган-Бернштейн Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII в. — Вопросы истории, 1955, № 5.

Корецкий В. М. Монтескье. Киев, 1955.

Кечекьян С. Ф. Политические и правовые взгляды Монтескье. — Советское государство и право, 1955, № 4.

Момджян Х. Монтескье. — Коммунист, 1955, № 4.

Рахманина Т. Н. Теория разделения властей Монтескье и ее отражение в первой Конституции Франции (1791 г.). — Вестник МГУ, сер. XII. Право, 1976, № 1.

Сигал Н. А. «Персидские письма» Монтескье как памятник просветительской философской мысли. — Ученые записки Ленинградского ун-та, № 212. Сер. «Филологические науки», вып. 28. Зарубежная литература, 1956.

Троицкий Ю. Н. Эстетические взгляды Монтескье. — Вопросы философии, 1955, № 3.

Штейнберг В. А. Шарль Луи Монтескье — выдающийся французский мыслитель. — Изв. АН Латв. ССР, 1955, № 5.

Althusser Louis. Montesquieu. La politique et l'histoire. Paris, 1959.

Baum J. A. Montesquieu and social theory. Oxford, 1979.

Benrekassa G. Montesquieu. Paris, 1968.

Breuer N. Montesquieu und Durkheim. Bonn, 1969.

Dedieu Joseph. Montesquieu. Paris, 1966.

Durkheim Emile. Montesquieu and Rousseau. Michigan, 1965.

Goyard-Fabre S. La philosophie du droit de Montesquieu. Paris, 1973.

Imbert Pierre-Henri. Destutt de Tracy critique de Montesquieu ou de la liberté en matière politique. Paris, 1974.

Jorel Albert. Montesquieu. Paris, 1887.

Kassem Badreddine. Décadence et absolutisme dans l'oeuvre de Montesquieu. Genève, 1960.

Landucci Sergio. Montesquieu e l'origine della scienza sociale. Firenze, 1973.

Loy J. Robert. Montesquieu. New York, 1968.

Masterson M. P. Rights, relativism and religion faith in Montesquieu. — Political Studies. Oxford, 1981, N 2, p. 204—231.

Quoniam Théodore. Introduction à une lecture de l'Esprit des lois. Paris, 1976.

Quoniam Th. Montesquieu: son humanisme, son civisme. Paris, 1977.

Stark W. Montesquieu, pionnier of the sociology of knowledge, v. 2. London, 1960.

Starobinski J. Montesquieu par lui-meme. Paris, 1963.

Vantuch Anton. Ch.-L. Montesquieu. Bratislava, 1977.

Waddison M. N. Montesquieu and the philosophy of natural law. The Hague, 1970.